СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ XXIX, № 3.

НОВЫЯ СВѢДѢНІЯ
О
КОТОШИХИНѢ
ПО ШВЕДСКИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

Я. К. ГРОТА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1882.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Санктпетербургъ, Мартъ 1882 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

НОВЫЯ СВѢДѢНІЯ О КОТОШИХИНѢ,

ПО ШВЕДСКИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

(Академика **Я. К. Грота**).

Въ 1-й книгѣ журнала «Historisk Tidskrift», издаваемаго въ Стокгольмѣ съ начала 1881 года недавно образовавшимся тамъ Историческимъ Обществомъ, напечатана статья: «Русскій выходецъ въ Швеціи двѣсти лѣтъ тому назадъ». Авторъ ея, докторъ Йэрне (Hjärne), изучившій русскій языкъ, находится нынче въ Москвѣ для архивныхъ разысканій по шведской исторіи. Я намѣренъ сообщить, частью въ извлеченіи, частью въ переводѣ, съ немногими лишь замѣчаніями и дополненіями, содержаніе названной статьи.

«Шведская дипломатія, говоритъ авторъ, которая въ періодъ величія нашего государства часто имѣла, на всѣхъ своихъ степеняхъ, способныхъ и замѣчательныхъ представителей, оставила множество любопытныхъ донесеній о внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ Россіи, о ея администраціи и экономическомъ положеніи. Эти большею частію еще не изданные документы безъ сомнѣнія очень важны для русской исторической науки, которая, за недостаткомъ современныхъ домашнихъ источниковъ, кромѣ оффиціальныхъ актовъ въ собственномъ смыслѣ, нерѣдко должна обращаться къ разсказамъ иноземныхъ наблюдателей. Многія изъ шведскихъ описаній обязаны своимъ происхожденіемъ оче-

видцамъ самыхъ событій или основываются на свидѣтельствахъ такихъ лицъ, которыя изъ первыхъ рукъ узнавали о происходившемъ. Наше правительство не пренебрегало никакими средствами для полученія вѣрныхъ и скорыхъ извѣстій. Уже со временъ Эрика XIV мы встрѣчаемъ донесенія тайныхъ агентовъ, бывшихъ на службѣ въ Россіи, а что касается 17-го столѣтія, то едва ли случалось тамъ что-нибудь важное, о чемъ не сохранилось бы болѣе или менѣе подробнаго шведскаго повѣствованія [1])... Въ пограничныхъ областяхъ шведскіе губернаторы узнавали отъ русскихъ переметчиковъ многое, что не могло, безъ большихъ затрудненій и издержекъ, становиться извѣстнымъ иностранному посланнику, бдительно наблюдаемому властями. Вопреки постановленіямъ мирныхъ договоровъ многіе изъ подданныхъ царя могли находить пристанище за предѣлами Россіи; — это были частью купцы, которые, наскучивъ вымогательствами бояръ или сборщиковъ податей, записывались въ число «Русскихъ его королевскаго величества» въ Нарвѣ и другихъ городахъ, частью крѣпостные люди, укрывавшіеся въ ингерманландскихъ селеніяхъ отъ притязаній своихъ господъ, частью раскольники, которымъ королевскими грамотами предоставлялась полная свобода совѣсти посреди лютеранскаго населенія, частью наконецъ всякаго рода проходимцы, уклонявшіеся отъ взысканій своихъ заимодавцевъ или отъ преслѣдованій суда.

---

[1]) Въ числѣ такихъ неизданныхъ источниковъ назовемъ: Путешествіе Пальмквиста (съ раскрашенными рисунками), протоколы посольства Густава Бьельке, письма къ королю резидентовъ: Эберса, Лиліенталя и Кохена, — въ стокгольмскомъ Государственномъ архивѣ; путешествіе Прютца и описаніе русской торговли, Крузенштерна—въ королевской библіотекѣ; дневникъ лица, участвовавшаго въ посольствѣ Бьельке—въ библіотекѣ Упсальскаго университета. Нѣкоторые источники упомянуты въ извѣстномъ сочиненіи Аделунга о путешествіяхъ по Россіи. Донесеніемъ братьевъ Шютте (Skytte) пользовался Гейеръ, а за нимъ Германъ (*Gesch. Russlands* въ сборникѣ Герена и Уккерта). *Прим. г. Йэрне.* — Автору шведской статьи не былъ извѣстенъ трудъ бывшаго профессора Дерптскаго университета, г. Ширрена, напечатанный 1860 г. во II-мъ томѣ *Bulletin* нашей Академіи Наукъ (стр. 446—501) и отдѣльно подъ заглавіемъ: «Nachricht von Quellen zur Geschichte Russlands, vornehmlich aus schwedischen Archiven und Bibliotheken». *Я. Г.*

Иногда такіе бѣглецы доходили до Риги и Ревеля или отправлялись по Балтійскоту морю въ столицу Швеціи, гдѣ легко могли оставаться незамѣченными въ числѣ многочисленныхъ посѣтителей русскаго подворья (ryssegården). Такъ въ 1651 году явился въ Стокгольмѣ человѣкъ, который сперва былъ писаремъ въ одномъ изъ московскихъ приказовъ, а потомъ въ Константинополѣ, у гетмана Богдана Хмельницкаго, и у князя Георгія Рагоци въ Трансильваніи выдавалъ себя за сына царя Василія Ивановича Шуйскаго. Наконецъ онъ прибылъ въ Голштинію, гдѣ герцогъ Фридрихъ за большую сумму выдалъ его русскимъ властямъ, послѣ чего онъ былъ казненъ въ Москвѣ, какъ государственный преступникъ» [1]).

Переходя затѣмъ къ Котошихину, какъ «главному авторитету относительно внутренняго состоянія Россіи при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ», и сообщивъ о его сочиненіи извѣстные уже факты, г. Йэрне прибавляетъ: «Разысканіями въ шведскихъ источникахъ мнѣ удалось найти свѣдѣнія, хотя и не особенно богатыя, но бросающія свѣтъ на пребываніе Котошихина въ Швеціи и его несчастный конецъ. Эта оригинальная исторія, независимо отъ замѣчательной личности названнаго выходца, рисуетъ наглядно характеръ времени.

25-го октября 1665 года ингерманландскій генералъ-губернаторъ Яковъ Таубе пишетъ королю изъ Нарвы, что русскій канцелярскій писарь (подьячій), бывшій въ плѣну въ Польшѣ, а оттуда тайно перебравшійся черезъ Силезію и Любекъ, подалъ наканунѣ просьбу, подписанную: «Вашего превосходительства бѣдный холопъ и слуга Григорій Котошихинъ». Въ этой просьбѣ говорится, что онъ, по прибытіи въ Нарву, нѣсколько дней обдумывалъ, какъ бы ему секретно сообщить свои тайны генералъ-губернатору, но наконецъ онъ встрѣтился со старымъ знако-

---

[1]) Соловьева *Исторія Россіи*, X (изд. 3-е), стр. 293 и д. Переписка объ этомъ лицѣ между шведскимъ и русскимъ правительствами хранится въ шведскомъ государственномъ архивѣ: см. тамъ *Muscovitica* за время королевы Христины. *Й.*

мымъ, вѣрноподданнымъ и усерднымъ слугою его королевскаго величества Козьмою Афанасьевымъ сыномъ Овчинниковымъ [1]), которому и открылся, замѣтивъ, что тотъ «своимъ мужественнымъ духомъ преклоненъ къ службѣ королевскаго величества». Черезъ этого-то пріятеля онъ и представляетъ свою просьбу. Въ ней говорится, что онъ уже много лѣтъ желалъ поступить на службу къ великомощному, славному государю, его королевскому величеству, еще въ то время, когда служилъ у царя въ посольскомъ приказѣ и отправленъ былъ съ порученіемъ къ королю. Въ Москвѣ онъ молилъ Всемогущаго Бога о помощи и началъ служить вѣрой и правдой комиссару его королевскаго величества Эберсу. Въ подтвержденіе этихъ словъ онъ разсказываетъ: «Когда послы, окольничій Василій Семеновичъ Волынскій и его товарищи вели переговоры о мирѣ, я принесъ Эберсу на шведское подворье данную этимъ посламъ инструкцію и другія бумаги для снятія копій, за что г. комиссаръ подарилъ мнѣ 40 рублей [2])». Далѣе Котошихинъ сообщаетъ подъ секретомъ, что онъ, по освобожденіи изъ польскаго плѣна, прибылъ въ Любекъ, гдѣ встрѣтилъ тамошняго слугу царскаго величества Іоанна фонъ Горна (v. Gorn), который, считая его попрежнему царскимъ чиновникомъ, поручилъ ему донести русскимъ властямъ, что онъ (Горнъ) намѣренъ послать въ Москву полковника, знающаго всѣ военные плапы короля и государственныхъ людей

[1]) Въ одной бумагѣ, переданной русскими полномочными шведскимъ посламъ при переговорахъ на границѣ лѣтомъ 1666 года, обвиняется подданный короля въ Иваньгородѣ *Козьма Овчинниковъ* въ томъ, что онъ забралъ у новгородскаго купца товаровъ на 60 любскихъ ефимковъ и не уплатилъ этихъ денегъ. (Шведскій Госуд. архивъ, Muscovitica: «Протоколъ о русскомъ договорѣ 1666 г.», лит. Г.). *Й.*

[2]) Дѣйствительно, отыскался нѣмецкій переводъ этой инструкціи въ донесеніи Эберса королю изъ Москвы отъ 22-го іюля 1663 г. Онъ говоритъ, что истратилъ на это дѣло 100 дукатовъ: «И этотъ парень, по происхожденію русскій, но по расположенію добрый шведъ, взялся впредь, когда вамъ писать будутъ, извѣщать меня обо всемъ, что имѣетъ происходить». Тогда шли переговоры между прочимъ о разныхъ денежныхъ претензіяхъ, и для шведскаго правительства важно было знать, на какія уступки русскіе послы были уполномочены. *Й.*

Швеціи. Котошихинъ продолжаетъ: «Прошу ваше превосходительство, а также и его величество дать мнѣ какую-нибудь должность по моимъ силамъ и услать меня подалѣе отъ отечества. Богъ дастъ, я въ годъ выучусь читать и писать по-шведски. Съ тѣхъ поръ какъ я прибылъ сюда и оставилъ Москву, никто еще не знаетъ, гдѣ я; впредь во всю жизнь обязуюсь служить его королевскому величеству, всемилостивѣйшему государю моему. Если же вашему превосходительству не угодно принять меня, прошу и умоляю содержать письмо мое въ тайнѣ, дабы мнѣ не попасть въ бѣду, и я, несмотря на это письмо, могъ бы безопасно ѣхать въ Москву, а вы, къ моей погибели, не открыли бы всего и не послали письма моего вслѣдъ за мною въ Москву. Еслибъ я сколько-нибудь увѣрился въ помощи короля, я бы сообщилъ еще болѣе добрыхъ вѣстей, которыхъ теперь время не позволяетъ написать». Въ заключеніе онъ сообщаетъ, что тогдашній псковской воевода, заклятый врагъ Шведовъ Афанасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ [1]) хлопочетъ о возстано-

---

[1]) Ордынъ-Нащокинъ, псковской уроженецъ, вѣроятно бывшій въ родствѣ съ записаннымъ въ шведскую дворянскую книгу родомъ Nassokin, игралъ при Алексѣѣ Михайловичѣ важную роль, какъ царскій любимецъ и ревнитель преобразованій въ западно-европейскомъ духѣ. Обязанный возвышеніемъ однѣмъ заслугамъ своимъ, онъ естественно навлекъ на себя вражду знатныхъ бояръ: пользуясь жалобами Шведовъ на его поведеніе въ качествѣ русскаго посла при переговорахъ, приведшихъ къ Кардисскому миру въ 1666 г., противники успѣли лишить его тѣхъ почетныхъ должностей, которыя онъ занималъ во время войны. Впослѣдствіи онъ возбудилъ неудовольствіе и московской бюрократіи своими попытками преобразовать посольскій приказъ; въ званіи же псковского воеводы онъ имѣлъ много столкновеній съ тамошнимъ мѣщанствомъ и должностнымъ людомъ. Какъ государственный человѣкъ, Ордынъ-Нащокинъ отстаивалъ ту же политику, какой позднѣе держался Петръ Великій, и вслѣдствіе того онъ былъ врагомъ Швеціи, которая своимъ господствомъ на балтійскихъ водахъ оттѣсняла Русскихъ отъ моря. Важнѣйшею политическою заслугою его было посредничество при заключеніи перемирія между Россіей и Польшей въ Андрусовѣ, 1667 г. Личную милость царя онъ всегда сохранялъ, но напослѣдокъ удалился отъ дѣлъ и по старинному русскому обычаю пошелъ въ монастырь. Онъ обладалъ необыкновеннымъ для тогдашней Россіи образованіемъ. Въ шведскомъ Государственномъ архивѣ есть много писанныхъ имъ, отчасти весьма замѣчательныхъ писемъ. *Й.*

вленіи мира съ Польшею и о возбужденіи войны съ Швеціей, изъ мщенія за то, что онъ былъ отставленъ отъ посольства и лишенъ управленія Ливоніей, занятой Русскими въ послѣднюю шведскую войну.

Въ письмѣ, сопровождавшемъ эту просьбу Котошихина, генералъ-губернаторъ испрашиваетъ указанія, какъ съ нимъ поступить, и прибавляетъ, что онъ отъ имени его кор. величества приказалъ дать пришлецу простое платье, такъ какъ онъ былъ «совершенно голъ» (hel blott), и немного денегъ на содержаніе.

Прежде нежели успѣли получить отвѣтъ изъ Стокгольма, пребываніе Котошихина въ Нарвѣ подало поводъ къ нѣкоторымъ объясненіямъ. 22-го ноября въ Нарву явился русскій гонецъ Михаилъ Прокофьевъ съ важными письмами къ шведскому правительству. Хотя онъ на другой же день отправился далѣе, однакожъ генералъ-губернаторъ могъ одновременно донести кому слѣдовало, что ѣхавшій съ этимъ курьеромъ посольскій переводчикъ везъ къ королю отъ шведскаго резидента въ Москвѣ, Лиліенталя, секретныя письма, зашитыя въ подкладку его куртки; онъ сознался, что «не особенно расположенъ къ русскому народу, а болѣе наклоненъ усердно радѣть вашему королевскому величеству и Швеціи». Въ другомъ письмѣ, отъ 21-го декабря, Таубе сообщаетъ, что «русскій канцелярскій писецъ, попавшій въ плѣнъ къ Полякамъ и прибывшій сюда изъ Любека съ предложеніемъ поступить на службу къ вашему королевскому величеству для обученія молодыхъ людей языку и для всякаго другого дѣла, къ какому онъ окажется способнымъ», явился было къ московскому резиденту, но тотъ не захотѣлъ знать его и вмѣсто того извѣстилъ о немъ новгородскаго воеводу, князя Василья Григорьевича Ромодановскаго. Тогда этотъ отправилъ въ Нарву стрѣлецкаго капитана Ивана Репнина съ письмомъ (отъ 11-го декабря), которое Таубе въ переводѣ препроводилъ къ королю. Воевода сообщаетъ дошедшее до него свѣдѣніе, «что въ Нарвѣ на королевской сторонѣ появился подданный царскаго величества, подьячій Гришка Котошихинъ, который

великому государю нашему, его царскому величеству, учинилъ измѣну и передался къ королю Польскому». Поэтому онъ требуетъ: «дабы ты, королевскаго величества генералъ, по Кардисскому вѣчному договору, по 21-му пункту, вышереченнаго измѣнника и писца Гришку прислалъ съ конвоемъ ко мнѣ въ Великій Новгородъ». Пріѣхавшій за измѣнникомъ русскій капитанъ долженъ былъ воротиться съ письмомъ отъ 19-го декабря (въ копіи отправленнымъ къ королю), въ которомъ Таубе даетъ слѣдующую «сосѣдскую отповѣдь» (naborligt svar): «Такимъ образомъ реченный писецъ (недавно прибывшій изъ Любека на кораблѣ и выдающій себя за увезеннаго въ Польшу плѣннаго; а прибылъ онъ сюда въ Нарву голъ и нагъ, такъ что обѣ ноги его отъ холода опухли и были озноблены) пришелъ ко мнѣ и объявилъ, что онъ желаетъ ѣхать назадъ къ своему государю, его царскому величеству, но по своему убожеству и наготѣ никуда безъ помощи пуститься не можетъ; ради чего, — во вниманіи къ великой дружбѣ, заключенной между моимъ великомощнымъ королемъ и твоимъ великимъ государемъ, а равно и потому, что я реченнаго канцелярскаго писца у моего короля видѣлъ въ Стокгольмѣ въ качествѣ присланнаго *envoyé* и оттого увѣренъ былъ, что онъ у его царскаго величества содержится въ милости, — приказалъ я въ таковомъ случаѣ дать ему платье и 5 риксдалеровъ для продолженія обратнаго путешествія къ царскому величеству, думая, что онъ, явясь къ находившемуся здѣсь русскому чиновнику, посланному къ королю отъ царскаго величества съ письмами, немедленно продолжать будетъ свое путешествіе; получивъ же твое письмо, я тотчасъ приказалъ стражѣ искать его тщательно какъ въ городѣ, такъ и въ обоихъ предмѣстіяхъ, а чтобы ничего не упустить для его отысканія, велѣлъ сказать присланному тобою капитану, чтобы онъ отправилъ одного изъ своихъ стрѣльцовъ вмѣстѣ съ моимъ стражемъ искать того канцелярскаго писца во всѣхъ домахъ, но онъ этого исполнить не хотѣлъ. Однакожъ и безъ того приложено было всевозможное стараніе, но его уже нигдѣ нельзя было найти, а отъѣхалъ онъ,

нѣсколько дней тому назадъ, какъ и хозяинъ его показываетъ, во Псковъ къ Нассокину (Нащокину), съ сыномъ котораго онъ познакомился въ Польшѣ. Если это справедливо, то ты безъ сомнѣнія скоро о томъ услышишь; ежели же онъ впослѣдствіи окажется здѣсь въ генералъ-губернаторствѣ, то (хотя онъ явится не бѣглымъ или плѣннымъ, какового въ силу Кардисскаго договора выдать слѣдуетъ, а прибудетъ сюда изъ чужихъ краевъ) я не оставлю по сосѣдскому дружелюбію задержать его и къ тебѣ отправить».

Тогда же Таубе донесъ и королю, что «писарь скрылся и его нигдѣ нельзя найти», но въ сущности его любопытный отвѣтъ новгородскому воеводѣ имѣлъ повидимому ту цѣль, чтобы, избѣгая оскорбительнаго отказа (который имѣлъ бы видъ враждебнаго дѣйствія), выиграть время, въ ожиданіи рѣшенія правительства. Въ Стокгольмѣ не прежде середины января мѣсяца узнали о требованіи воеводою выдачи Котошихина, когда уже было рѣшено воспользоваться благопріятнымъ случаемъ пріобрѣсти свѣдущаго совѣтника относительно канцелярскихъ тайнъ Московскаго государства. 16-го ноября читано было въ совѣтѣ «прошеніе русскаго канцеляриста изъ Нарвы о принятіи его въ службу его королевскаго величества въ Швеціи, такъ какъ онъ покинулъ свою службу въ Россіи, и заблагоразсуждено повелѣть генералъ-губернатору прислать его сюда для дальнѣйшаго распоряженія и здѣсь удостовѣриться, каковъ онъ въ своемъ дѣлѣ». 24-го ноября данъ слѣдующій указъ камеръ-коллегіи о нѣкоемъ Русскомъ *Gregoreij Kotosikni*: «Поелику до свѣдѣнія нашего дошло, что это человѣкъ, хорошо знающій Русское государство и служившій въ канцеляріи великаго князя и изъявляющій готовность сдѣлать намъ разныя полезныя сообщенія, то мы всемилостивѣйше жалуемъ этому Русскому 200 риксдалеровъ серебр. и повелѣваемъ послать ихъ ему съ Адольфомъ Эберсомъ». Къ Таубе также былъ посланъ королевскій приказъ объ этомъ «Kotosikni»: «Поелику намъ сообщено, что ему хорошо извѣстно Русское государство, то мы повелѣваемъ вамъ удостовѣрить его

въ нашей милости, и мы признали за благо принять его въ нашу службу, на каковой конецъ и послали ему съ Адольфомъ Эберсомъ 200 риксдалеровъ, на которые пусть и пріѣдетъ онъ сюда». Эберсъ, кажется лифляндскій уроженецъ, былъ одинъ изъ искуснѣйшихъ дипломатовъ тогдашней Швеціи. Съ 1645 года онъ былъ шведскимъ агентомъ въ Новгородѣ, гдѣ пострадалъ во время бывшаго въ 1649 мятежа. Послѣ того онъ до 1655 года былъ комиссаромъ при шведскомъ подворьѣ въ Москвѣ. При послѣдовавшихъ за тѣмъ переговорахъ съ Россіей онъ часто былъ употребляемъ. Охраняя интересы Швеціи съ энергіей и хитростью онъ своимъ образомъ дѣйствій напоминаетъ поведеніе русскихъ пословъ въ Швеціи при преемникахъ Карла XII и при Густавѣ III. Ордынъ-Нащокинъ, въ своихъ донесеніяхъ царю, жалуется что Эберсъ поддерживаетъ внутренніе раздоры въ Москвѣ. Эберсъ и самъ нѣсколько разъ упоминаетъ о стараніяхъ русскихъ властей развѣдать, кто посѣщаетъ его домъ.

Итакъ Адольфъ Эберсъ, съ предыдущаго лѣта остававшійся въ Швеціи, снова былъ посланъ въ Москву и въ то же время отправлены Гельмфельту и др. полномочія вести на границѣ переговоры съ царскими послами о разныхъ возникавшихъ въ послѣднее время несогласіяхъ. Изъ приведеннаго письма Таубе видно, что русскіе полномочные уже находились въ Новгородѣ, но «никто еще не зналъ, куда они направятся—впередъ или назадъ, въ городѣ же носился слухъ, что они опасаются такого же пріема въ Швеціи, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ приняты были шведскіе послы въ Москвѣ». Это, безъ сомнѣнія, намекъ на посольство Густава Бьельке, который, какъ извѣстно, вопреки народному праву удержанъ былъ въ Москвѣ съ 1655 по 1658 годъ и подвергся тамъ довольно суровому обращенію. Несмотря на недавнее заключеніе «вѣчнаго мира» между обоими государствами, взаимныя отношенія ихъ были далеко не дружелюбныя, особенно потому, что Русскіе подозрѣвали Швецію въ намѣреніи вмѣшаться въ ихъ войну съ Польшею, Швеція же

выказывала по крайней мѣрѣ желаніе сыграть роль непрошеннаго дипломатическаго посредника, чтобы поживиться на счетъ обѣихъ воевавшихъ сторонъ. Однакожъ къ войнѣ повидимому не готовились, и потому важно было не допускать никакого открытаго нарушенія существовавшихъ трактатовъ. Русскіе были очень недовольны безпечностью шведскихъ властей въ дѣлѣ поимки и выдачи бѣглыхъ, и въ Москвѣ особенно опасались разглашенія передъ чужими правительствами государственныхъ тайнъ. Поэтому нужна была нѣкоторая осторожность, чтобы королевское повелѣніе о пересылкѣ русскаго писца могло быть исполнено безъ всякаго шума.

10-го января 1666 года Таубе увѣдомляетъ короля, что Эберсъ наканунѣ прибылъ въ Нарву съ этимъ повелѣніемъ, и обѣщаетъ отправить Котошихина, «какъ скоро онъ снова отыщется». Въ перепискѣ Эберса не нашлось извѣстія, видѣлъ ли онъ въ Нарвѣ Котошихина и самъ ли передалъ ему деньги. Однакожъ онъ пробылъ тамъ недѣлю и затѣмъ черезъ Новгородъ поѣхалъ въ Москву. Между тѣмъ Таубе 20-го января пишетъ къ королю, что бѣглый Русскій, скрывшійся между своими соотечественниками изъ опасенія быть выданнымъ новгородскому воеводѣ, послѣ снова отысканъ, но «поелику реченнаго писца (которому я запретилъ показываться) видѣли и знаютъ другіе пребывающіе здѣсь Русскіе, то г. цейхмейстеръ посовѣтовалъ мнѣ велѣть открыто схватить его и посадить въ тюрьму, а потомъ выпустить, какъ будто онъ по оплошности сторожей бѣжалъ, дабы, при предстоящихъ совѣщаніяхъ не могло произойти никакого неудовольствія за то, что онъ здѣсь находился и не былъ, какъ того требовали, схваченъ и выданъ. Почему я въ этомъ случаѣ послѣдовалъ совѣту цейхмейстера, и онаго писаря согласно съ повелѣніемъ вашего королевскаго величества посылаю съ курьеромъ (который провожалъ комиссара Адольфа Эберса) въ Стокгольмъ, а также написалъ къ воеводѣ, что онъ (Котошихинъ), по оплошности сторожей, хитростью освободился, но что я приказалъ тщательно искать его, и если онъ будетъ

пойманъ, выдать, офицеръ же, которому поручено было смотрѣть за нимъ, будетъ строго наказанъ». Такимъ образомъ Таубе успѣлъ вѣроятно усыпить подозрѣнія воеводы: по крайней мѣрѣ въ актахъ пограничной комиссіи, которые вполнѣ сохранились, нѣтъ ни слова о Котошихинѣ.

Письмо Таубе, отправленное конечно съ тѣмъ же нарочнымъ, какъ и самъ Котошихинъ, пришло въ Стокгольмъ 5-го февраля. Въ краткой біографіи его, составленной Баркгусеномъ, сказано, что онъ послѣ своего бѣгства изъ «Московіи» принялъ другое имя и сталъ называться Іоанномъ Александромъ Селицкимъ [1]), и что онъ въ 1666 году присланъ былъ въ Стокгольмъ изъ Нарвы «бывшимъ тамъ въ то время генералъ-губернаторомъ, нынѣ покойнымъ фельдмаршаломъ С. Г. Гельмфельтомъ». Въ перепискѣ Гельмфельта нѣтъ письма о томъ, и новое имя Котошихинъ принялъ безъ сомнѣнія уже въ Стокгольмѣ, можетъ-быть по внушенію Шведовъ, чтобы легче укрыться отъ вниманія находившихся тамъ Русскихъ или пріѣзжавшихъ туда царскихъ пословъ. 28-го марта 1666 г. король, приказомъ на имя камеръ-коллегіи, пожаловалъ «предъявителю Iagan Alexander Selicki», бывшему русскому писцу, который поступилъ къ намъ на службу и обязался быть нашимъ вѣрноподданнымъ, 150 далеровъ серебромъ на прокормленіе и содержаніе, а также на обзаведеніе въ здѣшнемъ краю». Приказомъ, даннымъ камеръ-коллегіи 29-го ноября того же года, король назначилъ «прибывшему сюда прошлою зимою изъ Нарвы Русскому» 300 далеровъ серебромъ въ годъ жалованья, «поелику онъ нуженъ намъ ради своихъ свѣдѣній о Русскомъ государствѣ, почему и имѣетъ камера внести его съ таковымъ содержаніемъ въ штатъ нашей канцеляріи; за нынѣшній же истекающій годъ выдать ему 150 далеровъ, такъ какъ у него нѣтъ никакихъ собственныхъ средствъ на прожитокъ».

---

[1]) Имя это—очевидно польское (Selicky) и придумано, чтобы скрыть настоящее происхожденіе Котошихина; съ тою же цѣлью поставлено впереди два имени, будто бы данныя при крещеніи, что также не согласно съ русскимъ обычаемъ. *Й.*

Такимъ образомъ русскій переметчикъ сдѣлался хорошо обезпеченнымъ шведскимъ чиновникомъ [1]).

---

[1]) Два приведенныя здѣсь въ извлеченіи приказа были конечно даны вслѣдствіе прошеній, поданныхъ Котошихинымъ на имя короля и высшихъ правительственныхъ лицъ. Эти прошенія не были извѣстны составителю передаваемой мною статьи, но они напечатаны А. Ф. Бычковымъ въ 1-й книгѣ *Архива историческихъ и практическихъ свѣдѣній* (Спб. 1860 г.) по подлинникамъ, принадлежавшимъ покойному лектору Александровскаго университета Готлунду. Перепечатываю ихъ здѣсь для пополненія сообщаемыхъ г-мъ Ерне подробностей:

1. Велеможнѣйшій и высокорожденный князь и государь, государь Карлусъ, Божіею милостію Свѣйскій, Готцкій и Вендѣйскій король и отчинный князь, великій князь Финскіе земли, арцухъ Шконскій, Эстланскій, Лифлянскій, Корѣлскій, Бременскій, Ферденскій, Стетинскій, Померскій, Касубскій и Венденскій, князь Рюгенскій, государь надъ Ижерскою землею и въ Висмарѣ, такъ же палцъграѳъ Ринскій, Баерньскій, Гюллихскій, Клевскій и Бергенскій арцухъ.

Вашему королевскому величеству, моему всемилостивому государю, супликацуюся сею моею супликацыею, что я вашему королевскому величеству за вѣрою радъ служити до смерти своей, безъ измѣны, что меня привела вашего королевскаго величества превысокая милость, также по наговору комисара Адольфа Эберса, для чего и въ Полшѣ служить не похотѣлъ, и отъ вашего королевскаго величества превысокіе милости обнадеженъ я великимъ жалованьемъ, что мнѣ прислано двѣсти таляровъ, что за такое милостивое жалованье вашего королевскаго величества за здоровье до живота своего радъ всемогущаго Бога хвалить. Вашему королевскому величеству бью челомъ покорно и милосердія прошу, чтобъ ваше королевское величество пожаловалъ, противъ моей челобитной велѣлъ указъ учинить, которую челобитную подаю вѣрнымъ радѣтелемъ вашего королевскаго величества государственнымъ высокимъ господамъ думнымъ правителемъ и владѣтелемъ.

Вашего королевскаго величества вѣрной поддавной
Г. К. К.
Iagan Alexander Selicky.

2. Добророжденные и высокопочтенные чесные государи, господа государственные думные правители и владѣтели.

Королевское величество, какъ есть всемилостивѣйшій государь, пожаловалъ меня милостію своею, чему я за такую превысокую милость и жалованье его королевскому величеству и коронѣ Свѣйской радъ служити до живота своего; и изъ Ругодива отъ высокопочтеннаго господина генералъ губернатора присланъ я къ его королевскому величеству, и тутъ живу четвертую недѣлю, а его королевскаго величества очей не видалъ, такъ же и у вашихъ милостей не былъ и поклоненія своего не отдалъ, а безъ росказанія вашего къ вашей чесности итти не смѣю, въ чомъ черезъ сію мою челобитную вашему высочеству покорно бью челомъ и милости прошу, которую челобитную

Ясно, что Котошихинъ имѣлъ вліятельныхъ ходатаевъ въ Швеціи, и выше были приведены нѣкоторыя обстоятельства, показывающія, что онъ еще до бѣгства изъ Россіи былъ въ сношеніяхъ съ шведскими сановниками и даже побывалъ въ Швеціи. Это подтверждается положительными свидѣтельствами въ дошедшихъ до насъ документахъ. Конечно нельзя съ полнымъ довѣріемъ принимать собственныхъ его показаній о предыдущей его жизни, въ русскомъ прошеніи, поданномъ имъ королю тотчасъ по прибытіи въ Стокгольмъ. Подлинника этого прошенія, равно какъ и того, которое было на имя Таубе, отыскать не удалось, но въ біографическомъ очеркѣ Баркгусена оно помѣщено въ довольно близкомъ переводѣ.

подаю его королевскому величеству; другую вамъ, высокочестнѣйшимъ государемъ господамъ, черезъ переводчика господина Улауса Баркуша, чтобъ мнѣ указъ былъ противъ достоинства: тутъ живу въ Стеколнѣ безъ дѣла, даромъ испроѣдаюся. И я у его королевского величества и у васъ, высокочестнѣйшихъ государей, повторичне милости прошу и бью челомъ, чтобъ мнѣ какая служба учинена была, а ежели королевское величесто и ваше высочество пожалуете, противъ сего моего челобитья служить велите, и та моя служба его королевскому величеству будетъ годна такимъ обычаемъ: первое, чтобъ королевское величество пожаловалъ, велѣлъ меня учить свѣйского языку студенту, а я того студента буду учить по руски, что онъ годенъ будетъ въ переводчики; такъ же ежели похочетъ хто учитца по руски васъ высокихъ господъ дѣти, и имъ то ученье будетъ надобно для такого способу: лучитца которому быть въ Ригѣ или въ иныхъ городѣхъ губернаторомъ, и имъ для пограничества и для посольствъ годенъ будетъ. Еще покорно королевскому величеству, моему всемилостивому государю, такъ же и вамъ, превысокимъ господамъ, бью челомъ и милости прошу, чтобъ я пожалованъ былъ гдѣ жить и чѣмъ сыту быть, за что, за такое жалованье, его королевскаго величества за здоровье и васъ, высокопочтенныхъ господъ, за здоровье же буду Бога хвалить до вѣку живота своего. А сверхъ сей моей челобитной буду ожидать отъ васъ, высокопочтенныхъ господъ, указу въ какой службѣ быть ни укажете, а доколѣ всемогущій Господь Богъ дастъ мнѣ здоровье; а ежели какое у меня писмо по руски или какимъ инымъ языкомъ на Русь или къ Рускимъ людемъ сыщетца совѣтная грамотка, достоинъ смертные казни безо всякіе пощады.

Васъ высокопочтенныхъ и добророжденныхъ честнѣйшихъ государей, господъ государственныхъ правителей и владѣтелей униженный рабъ и слуга

Г. К. К. [1])

Iagan Alexander Selicky.

---

[1]) Т. е. Григорій Карповъ Котошихинъ.

Помѣстивъ за этимъ разсказъ Котошихина, приведенный Баркгусеномъ въ предисловіи къ извѣстному сочиненію перваго и напечатанный при русскомъ изданіи его, г. Йэрнс продолжаетъ: Въ этомъ разсказѣ очень замѣтно стараніе автора выставить себя жертвой низкой интриги и увѣрить, что бѣгство его было вынуждено уважительными побужденіями. Теперь уже нѣтъ возможности разъяснить, насколько справедливы его обвиненія противъ русскихъ сановниковъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ умалчиваетъ о разныхъ обстоятельствахъ, которыя служатъ не въ пользу его; въ одномъ пунктѣ, по крайней мѣрѣ, его легко уличить въ недостаткѣ правдивости: онъ говоритъ, что бѣжалъ въ Польшу, а въ письмѣ къ Таубе утверждаетъ, что попалъ туда какъ плѣнный.

Участіе его въ переговорахъ, подготовившихъ Кардисскій миръ, несомнѣнно. Въ подлинномъ письмѣ русскихъ полномочныхъ (это были Афанасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ, родственникъ его Богданъ Ивановичъ Нащокинъ и дьяки Герасимъ Дохтуровъ и Ефимъ Юрьевъ) упомянуто, что 9-го октября 1660 года «царскаго величества подъячій» Григорій Котошихинъ изъ Дерпта, занятаго въ то время Русскими, отправленъ къ шведскимъ посламъ въ Ревель съ бумагой, которою шведское посольство, сходно съ однимъ изъ условій перемирія въ Валлисаари [1]) 20 декабря 1658, приглашалось какъ можно скорѣе ѣхать въ Москву. 15-го октября Котошихина отослали обратно шведскіе сановники Густавъ Карлсонъ Банéръ и Андреасъ Вальвикъ съ письменнымъ отвѣтомъ, что они не могутъ исполнить этого требованія, пока не воротится изъ Стокгольма глава посольства, государственный совѣтникъ Бенгтъ Горнъ. 5-го декабря Горнъ прибылъ въ Ревель и 8-го числа того же мѣсяца онъ отправилъ къ Афанасію Ордыну-Нащокину «трубача» съ письмомъ, въ которомъ, пожелавъ ему всякаго благополучія, сообщалъ о своемъ пріѣздѣ. 13 декабря трубачъ возвратился, а съ нимъ

[1]) Wallisaari—деревня при рѣкѣ Паровѣ, близъ города Нарвы. *Я. Г.*

вмѣстѣ былъ и Котошихинъ, имѣвшій учтивое письмо къ одному Горну отъ Ордына-Нащокина, а также письмо отъ русскаго посольства къ шведскому; оба были помѣчены 11-мъ декабря. На другой день Горнъ писалъ къ королю, что письмо русскихъ пословъ еще не переведено, но, сколько можно было уразумѣть, Русскіе настаивали на скоромъ отъѣздѣ шведскаго посольства въ Москву, «и казалось, что они мало надѣялись притти съ нами къ полному соглашенію, но какъ будто подозрѣвали какіе-то тайные умыслы».

Когда наконецъ содержаніе русскаго письма было вполнѣ понято, то 16-го числа послы призвали вышепоименованнаго гонца (Котошихина), который, явясь предъ ихъ превосходительствами, благодарилъ за добрый пріемъ и обѣщалъ при возвращеніи въ Дерптъ отозваться съ похвалою о ихъ обхожденіи съ нимъ. Ихъ превосходительства отвѣчали, что имъ пріятно слышать о его удовольствіи, и пожелали, чтобы онъ при своемъ возвращеніи въ Дерптъ «нашелъ въ добромъ здравіи и вожделѣнномъ состояніи великихъ и полномочныхъ пословъ его царскаго величества, коимъ великіе и полномочные послы его королевскаго величества усердно и дружелюбно кланяются». Сверхъ письменнаго отвѣта, который Котошихину поручено было взять съ собою, ихъ превосходительства «имѣли сообщить ему нѣчто на словахъ, какъ лицу, подвластному канцеляріи и присутствовавшему на совѣщаніяхъ въ Валлисаари и Пюхестекюлэ». Это сообщеніе состояло въ томъ, что по извѣстію, полученному отъ генералъ-губернатора Гельмфельта, черезъ Нарву проѣхалъ посолъ отъ его королевскаго величества къ царю съ письмами, на которыя нужно будетъ дождаться отвѣта прежде нежели можетъ состояться требуемое путешествіе въ Москву. Григорій Котошихинъ отвѣчалъ, что объ этомъ послѣ царскимъ полномочнымъ ничего неизвѣстно, кромѣ того, что новгородскій воевода Куракинъ сообщилъ о его проѣздѣ. Его превосходительство г. Бенгтъ Горнъ съ своей стороны подтвердилъ желаніе, чтобы заключенъ былъ новый вѣчный договоръ, о чемъ онъ какъ въ Вал-

лисаари, такъ и послѣ на всѣхъ совѣщаніяхъ постоянно заявлялъ, «что̀ можетъ засвидѣтельствовать присутствовавшій при томъ Григорій». Горнъ выражалъ надежду, что русскіе послы для этой цѣли будутъ сговорчивѣе, чѣмъ были до сихъ поръ. Русскій гонецъ отвѣчалъ: царскіе послы, для совершенія столь важнаго и благого дѣла, долго ждали возвращенія его превосходительства изъ Швеціи, и теперь онъ проситъ словеснаго указанія, когда именно и какимъ путемъ послы его королевскаго величества намѣрены предпринять свое путешестіе въ Москву сходно съ 27-мъ пунктомъ Валлисаарскаго перемирія, дабы повсюду заблаговременно могли быть сдѣланы надлежащія распоряженія къ пріему ихъ. Просьбу эту онъ повторялъ три раза. Ему отвѣчали, что въ переданномъ ему письмѣ подробно упоминается объ этомъ предметѣ, изъ чего великіе и полномочные послы его царскаго величества могутъ въ точности усмотрѣть рѣшеніе великихъ и полномочныхъ пословъ его королевскаго величества. О томъ, что̀ первые найдутъ нужнымъ отвѣчать, послы его королевскаго величества готовы дружелюбно вести дальнѣйшую переписку. Съ этимъ и былъ отпущенъ часто упоминаемый Григорій, съ дружественнымъ поклономъ къ русскимъ посламъ, при чемъ ему сказано, что «передъ своимъ отъѣздомъ онъ получитъ приличное угощеніе на квартирѣ и потомъ ему данъ будетъ приставъ въ сопровожденіе до границы». Въ письмѣ къ русскимъ посламъ указывается на необходимость тотчасъ же приступить къ продолженію переговоровъ на мѣстѣ, и тутъ же предъявляется жалоба на пропускъ «Лифляндіи» въ титулѣ Шведскаго короля. Нащокинъ и его товарищи вскорѣ послѣ того отправили какого-то «капитана» съ новымъ письмомъ, на которое изъ Швеціи отвѣтъ посланъ былъ съ «посольскимъ камеръ-юнкеромъ», какъ сказано въ донесеніи королю отъ 4-го января 1661 года, «при такихъ формальностяхъ, чтобы можно было скорѣе получить ихъ дальнѣйшую декларацію», такъ какъ «Русскіе къ намъ присылали два раза, сперва съ посольскимъ подьячимъ, а теперь съ капитаномъ».

Итакъ Котошихинъ занималъ вовсе не маловажное служебное положеніе и «былъ много употребляемъ по царскимъ порученіямъ ради своей ловкости», какъ выразился Баркгусенъ. Посольскій приказъ составлялъ главное правительственное вѣдомство, по крайней мѣрѣ до учрежденія Алексѣемъ Михайловичемъ приказа тайныхъ дѣлъ[1]); въ посольскомъ приказѣ хранилась между прочимъ большая царская печать. Въ главѣ его находился думный дьякъ (секретарь совѣта, составлявшій протоколы засѣданій боярской думы въ присутствіи царя); кромѣ того въ дѣлопроизводствѣ участвовали два второстепенные дьяка и 14 подьячихъ, не считая значительнаго числа переводчиковъ, большею частью иностранцевъ по происхожденію; всѣ эти свѣдѣнія сообщаетъ самъ Котошихинъ въ своемъ сочиненіи. Сыновья мѣщанъ и крестьянъ могли, по протекціи или благодаря своимъ способностямъ, попадать въ подьячіе и впослѣдствіи выслуживать помѣстья. Такъ какъ эти жалованныя имѣнія при извѣстныхъ условіяхъ были наслѣдственны, то подьячій могъ становиться родоначальникомъ дворянскаго рода, имѣвшаго возможность постепенно достигать высшихъ государственныхъ должностей, но виды самого подьячаго на дальнѣйшее повышеніе по службѣ были довольно ограничены вслѣдствіе строгихъ правилъ стариннаго мѣстничества: крайнимъ предѣломъ его надеждъ

---

[1]) Это заключеніе конечно выведено авторомъ изъ того, что у Котошихина (гл. VII) посольскій приказъ стоитъ непосредственно послѣ приказа тайнѣхъ дѣлъ; но по словамъ С. М. Соловьева (*И. Р.* т. XIII, стр. 94), посольскій приказъ долго не имѣлъ большой важности, и былъ только канцеляріей боярской думы по иностраннымъ сношеніямъ: лишь со временъ Андрусовскаго перемирія иностранныя сношенія были поручены одному боярину, именно Ордыну-Нащокину, который, по своему западному взгляду, имѣлъ высокое понятіе о посольскомъ приказѣ и пр. Сколько мнѣ извѣстно, самое подробное изслѣдованіе о допетровскихъ приказахъ принадлежитъ Неволину и напечатано въ Журналѣ Министр. Нар. Просв. 1844 г. (т. XLI) подъ заглавіемъ: «Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго». По его мнѣнію (стр. 99), посольскій приказъ возникъ, вмѣстѣ со многими другими при Іоаннѣ Грозномъ. Въ отношеніи къ времени Алексѣя Михайловича замѣчаніе г. Йэрне совершенно вѣрно. *Я. Г.*

могло быть мѣсто дьяка въ одномъ изъ низшихъ учрежденій или у какого-нибудь областного воеводы. Оклады были незначительные, но увеличивались съ годами службы; на особыя порученія или путевыя издержки выдавались добавочныя деньги. Въ предисловіи ко второму изданію книги Котошихина приведено нѣсколько выписокъ изъ приходо-расходныхъ книгъ посольскаго приказа. Изъ нихъ видно, что въ 7169 году (т. е. отъ 1 сентября 1660 по 1 сентября 1661) Котошихинъ, записанный послѣднимъ въ числѣ подьячихъ, получилъ сполна жалованье 13 рублей, по поводу участія въ переговорахъ съ Швеціею («для Свійского посолского съѣзду»). На другой годъ жалованье его возвышено до 19-и рублей, да кромѣ того дано ему $9^1/_2$ рублей «для хлѣбные дорогови». Въ слѣдующемъ году получилъ онъ, «за помѣтою думного дьяка Ларіона Лопухина», уже 20 руб., и сверхъ того ему «для нынѣшніе хлѣбные дорогови» прибавлено полъ-оклада, т. е. 10 рублей [1]). Такимъ образомъ начальство его повидимому было вообще довольно его службой; но есть письмо царя Алексѣя Михайловича къ Ордыну-Нащокину и его товарищамъ по посольству отъ 4 мая 1659 года, въ которомъ дьякамъ предписывается впредь перечитывать внимательно посылаемыя къ царю письма, а подьячему Гришкѣ Котошихину «учинить наказаніе бить батоги» за то, что онъ въ отправленной къ государю «отпискѣ» пословъ пропустилъ слово *государь* въ титулѣ «великій государь». Однакожъ это наказаніе, по московскимъ понятіямъ (говоритъ г. Изрне), не повредило

[1]) Здѣсь я долженъ отмѣтить небольшую неисправность въ подлинной статьѣ. Авторъ, по весьма естественному въ иностранцѣ недоразумѣнію, смѣшалъ *дороговь* съ словомъ *дорога*, и переводитъ въ обоихъ мѣстахъ, гдѣ оно встрѣчается: «на путевыя издержки». Кромѣ того онъ при имени Лопухина ставитъ въ скобкахъ примѣчаніе: «вѣроятно, того самого, который впослѣдствіи сдѣлался тестемъ Петра Великаго». Но царица Евдокія была дочь *Федора Авраамовича* Лопухина († 1713), а въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ объ *Иларіонѣ Дмитріевичѣ* († 1677). Отцы ихъ *Авраамъ* и *Дмитрій* были родные братья, сыновья Никиты Васильевича. (*Родосл. книга* кн. П. Долгорукаго. II, 56—58). *Я. Г.*

служебному положенію Котошихина. Какъ выше упомянуто, онъ осенью посланъ былъ съ порученіемъ къ шведскимъ посламъ, а въ 1661 г., когда рѣшено было заключить миръ, его отправили въ Стокгольмъ съ письмомъ царя отъ 7-го августа, въ которомъ содержалась просьба къ королю прислать своихъ полномочныхъ въ назначенныя мѣста 30 сентября, съ ратификаціею мирнаго договора. Но это письмо пришло не прежде 23 сентября, и шведское правительство усомнилось въ искренности царя, такъ какъ вслѣдствіе такого замедленія шведскимъ посламъ было невозможно пріѣхать въ Кардисъ въ назначенное время. Между тѣмъ 24-го сентября въ совѣтѣ было рѣшено немедленно отправить русскаго нарочнаго, давъ ему небольшое судно. По заведенному обычаю, самъ онъ и спутники его получили довольно дорогіе подарки. Ему подарены были два серебряные бокала, вѣсившіе оба вмѣстѣ 253½ лота и оцѣненные въ 304 далера сер.; переводчику его 15 червонцевъ, а тремъ служителямъ, каждому, по 4 риксдалера монетою. На ихъ «прокормленіе» выдано было изъ акцизныхъ суммъ въ итогѣ 500 далеровъ. Долго ли Котошихинъ въ этотъ разъ оставался въ Стокгольмѣ, опредѣлить нельзя; но если онъ и не успѣлъ пріобрѣсти особенно много знакомыхъ, все-таки многіе могли помнить его, когда онъ черезъ нѣсколько лѣтъ воротился при совершенно другихъ обстоятельствахъ. Таубе, напр., говорилъ, что видѣлъ его въ Стокгольмѣ въ качествѣ русскаго «envoyé».

По возвращеніи въ Москву Котошихинъ сталъ дѣйствовать весьма странно, съ досады ли на дурное съ нимъ обращеніе, или для увеличенія плохихъ доходовъ своихъ. Было уже сказано, что онъ хвалился, между прочимъ, своими услугами находившемуся въ русской столицѣ шведскому комиссару, что̀ подтверждается и собственными его донесеніями. Въ помянутой приходо-расходной книгѣ читаемъ слѣдующую замѣтку за 7173 г. (отъ 1-го сент. 1664 по 1-ое сент. 1665): «Григорій Котошихинъ. И въ прошломъ въ 172 году Гришка *своровалъ*, измѣнилъ, отъѣхалъ въ Полшу̀. А былъ онъ въ полкѣхъ бояръ и воеводъ

князя Якова Куденетовича Черкасскаго со товарищи». Какъ самъ Котошихинъ объяснялъ это дѣло, намъ уже извѣстно. Есть положительное свидѣтельство о несогласіи между Черкасскимъ и Долгорукимъ. Первый, происходя отъ независимыхъ нѣкогда кабардинскихъ князей и такимъ образомъ не принадлежа къ древней московской аристократіи, находился въ натянутыхъ отношеніяхъ къ царскому тестю Ильѣ Даниловичу Милославскому и роду его. Долгорукій, напротивъ, былъ очень близокъ къ царю. Онъ по способностямъ и заслугамъ стоялъ гораздо выше Черкасскаго. Еще въ 1654 году онъ съ успѣхомъ предводительствовалъ войскомъ въ войнѣ съ Польшею. Въ 1670 разбилъ онъ Стеньку Разина. Въ обращеніи съ подчиненными онъ былъ чрезвычайно строгъ и потому они его ненавидѣли: въ первомъ стрѣлецкомъ бунтѣ онъ, вслѣдъ за сыномъ своимъ, былъ убитъ, такъ же какъ и многіе другіе начальствовавшія лица; лѣтомъ 1664 онъ, вмѣстѣ съ Ордынымъ-Нащокинымъ, велъ близь Смоленска переговоры о мирѣ или перемиріи съ Поляками. Московское государство находилось тогда въ весьма критическомъ положеніи. Казна была истощена, завоеванныя земли бо́льшею частью отняты непріятелемъ, въ Малороссіи партія царя не многочисленна; Крымскій ханъ заключилъ союзъ съ Польшею и нанесъ возмутившимся казакамъ сильныя пораженія. Въ Москвѣ необыкновенное посольство подъ начальствомъ лорда Карлейля представляло Англію, которая вмѣстѣ съ Швеціею старалась навязать царю свое посредничество. Поэтому Поляки не соглашались сдѣлать русскимъ посламъ ни малѣйшей уступки. Вслѣдствіе того, по совѣту Нащокина и Долгорукаго, Черкасскій, стоявшій съ 30,000 войска на русской сторонѣ Днѣпра невдалекѣ отъ мѣста переговоровъ, получилъ приказаніе перейти рѣку и дать сраженіе слабѣйшему по численности непріятелю, чтобы оружіемъ подкрѣпить требованія русскихъ дипломатовъ. Однакожъ онъ послѣ чувствительныхъ потерь долженъ былъ отступить и подъ благовиднымъ предлогомъ былъ отозванъ въ Москву. Посланный на мѣсто его Долгорукій, при дурно органи-

зованномъ войскѣ, не могъ имѣть большого успѣха. Переговоры продолжались до глубокой осени и были возобновлены въ слѣдующемъ году, когда происходившія въ Польшѣ волненія ставили Русскихъ въ болѣе благопріятныя условія [1]).

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ передался Котошихинъ. Позднѣйшіе издатели его сочиненія помѣстили въ предисловіи просьбу его къ Польскому королю, найденную въ польскихъ дѣлахъ, хранящихся нынѣ въ Московскомъ архивѣ. На ней нѣтъ числа, но вѣроятно она относится къ концу 1664 или къ началу слѣдующаго года. Онъ благодаритъ короля за милость и опредѣленіе на службу при канцлерѣ литовскомъ (Христофорѣ Пацѣ) съ «жалованьемъ на годъ по сту рублевъ». Онъ проситъ не оставлять его въ неизвѣстности о томъ, что́ дѣлается «на границахъ, на Москвѣ и межъ Москвою и Шведами, также на Украйнѣ и межъ Татарами.... потому къ тѣмъ вѣстовымъ дѣламъ, будучи на Москвѣ въ посольскомъ въ приказѣ крѣпко дознался, и если о тѣхъ вѣстяхъ мнѣ будетъ вѣдомо, королевскому величеству къ способу къ войнѣ будетъ годность». Далѣе онъ проситъ извѣстій о гетманѣ Чернецкомъ и Татарахъ («чтобы къ походу ихъ на Москву

---

[1]) Соловьевъ, *Исторія Россіи* XI, стр. 196 и д.; шв. 1 осуд. архивъ, *Muscovitica*: донесенія Эберса шведскому королю. 26-го января 1664 года Эберсъ пишетъ: «Мой тайный корреспондентъ, отъ котораго я всегда получаю положительныя свѣдѣнія, посланъ отсюда за княземъ Яковомъ Черкасскимъ и вѣроятно будетъ нѣсколько времени въ отсутствіи, что́ для меня очень прискорбно, потому что скоро достать такого же будетъ мнѣ очень трудно». 15-го августа онъ сообщаетъ, что Черкасскій потребованъ обратно въ Москву. Въ томъ же или въ слѣдующемъ мѣсяцѣ (на письмахъ нѣтъ чиселъ) онъ пишетъ: «О русскихъ и польскихъ трактатахъ нѣтъ никакихъ положительныхъ извѣстій; здѣсь надѣются однакожъ достигнуть на нѣсколько лѣтъ перемирія, и гг. комиссары еще не разъѣхались. Изъ Русскихъ много недовольныхъ перешло къ Полякамъ. Особенно одинъ писарь передался со многими секретными бумагами, разумѣю о трактатахъ». 17-го ноября онъ разсказываетъ, что Нащокинъ со своимъ братомъ и «дьякомъ *Григоріемъ Карповымъ*» отправляются послами на польскій сеймъ. По Соловьеву, Нащокина сопровождалъ дьякъ *Григорій Богдановъ; Карповымъ* же звали Котошихина. Вѣроятно Эберсъ смѣшалъ оба отчества, или тѣ, отъ кого онъ получалъ свои свѣдѣнія, не знали полнаго имени бѣглаго писаря. Почти всѣ эти и имъ подобныя сообщенія писаны у Эберса шифрованнымъ способомъ. *Й.*

о дорогахъ написать податнѣе»), о ходѣ переговоровъ съ Нащокинымъ, проситъ «землемѣрнаго чертежа о рубежахъ» сосѣднихъ странъ съ Москвою, чтобы помогать совѣтами польскимъ военачальникамъ, предлагаетъ «свой умыслъ» къ обученію работниковъ изготовлять лучшее оружіе и наконецъ рекомендуетъ другого московскаго переметчика («москаля предатчика»), который «предался къ гетману великому литовскому» и «будетъ добрый слуга, у пѣхоты въ ученьѣ и въ рогаткахъ помощникъ». Въ заключеніе онъ проситъ позволенія лично представиться королю. Ясно, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ полнѣйшею измѣной. О дальнѣйшей судьбѣ его въ Польшѣ ничего не извѣстно. Судя по письму Таубе къ новгородскому воеводѣ, Котошихинъ принималъ на себя видъ, что онъ въ Польшѣ сблизился съ сыномъ Ордына-Нащокина Воиномъ, даровитымъ молодымъ человѣкомъ, который, бывъ увлеченъ польскими плѣнными, позволилъ себѣ отправиться въ Данцигъ и былъ посланъ Польскимъ королемъ сперва въ Вѣну, а потомъ во Францію. Отецъ былъ очень огорченъ этимъ обстоятельствомъ и счелъ своимъ долгомъ просить увольненія отъ царской службы, но получилъ отъ Алексѣя Михайловича очень милостивое письмо, въ которомъ царь извинялъ поступокъ его сына юношескою любознательностью и уговаривалъ отца продолжать происходившія въ то время переговоры съ Швеціею [1]).

Каково бы ни было поведеніе Котошихина въ Россіи и въ Польшѣ, — въ Швеціи онъ нашелъ себѣ честную дѣятельность, которая однакожъ, къ сожалѣнію, очень скоро прекратилась. Мы кажется не ошибемся, если припишемъ его принятіе въ шведскую службу ходатайству Бенгта Горна и Адольфа Эберса, съ которыми онъ издавна былъ довольно хорошо знакомъ. Но въ собственно государственныхъ дѣлахъ онъ, сколько извѣстно, не былъ употребляемъ въ качествѣ шведскаго подданнаго. По-видимому онъ посвящалъ свое время главнымъ образомъ сочи-

[1]) Соловьевъ, *Исторія Россіи*. XI. 8 и слѣд.

ненію своей замѣчательной книги. «Къ тому чтобы предпринять этотъ трудъ», говоритъ Баркгусенъ, «важнымъ поводомъ послужили превосходныя учрежденія тѣхъ странъ и городовъ, чрезъ которые онъ проѣзжалъ во время своего бѣгства; еще болѣе созрѣло его намѣреніе, когда онъ съ удивленіемъ увидѣлъ прекрасное политическое устройство того края, гдѣ онъ наконецъ остановился, края, о которомъ онъ сталъ съ похвалою отзываться и безпрестанно повторялъ эти похвалы: вотъ что прежде всего побудило и воспламенило его писать о нравахъ и обрядахъ своего отечества. Затѣмъ охота къ этому труду въ немъ еще усилилась, когда тогдашній государственный канцлеръ, высокородный графъ Магнусъ Гавріилъ Делагарди, узнавъ острый умъ Селицкаго и немалую опытность его въ политикѣ (онъ отличался ловкостью и умомъ предъ своими сверстниками и единоземцами), улучшилъ его положеніе, чтобы онъ могъ легче продолжать начатое дѣло». Въ бумагахъ Делагарди, сохраняемыхъ въ Государственномъ архивѣ, я не нашелъ никакихъ данныхъ (говоритъ г. Йэрне), которыя подтверждали бы предположеніе, что онъ изъ собственныхъ средствъ помогалъ Котошихину. Но какъ начальникъ канцеляріи, онъ принялъ его къ себѣ на службу. «Русскій Іоаннъ Александръ Селицкій» занесенъ въ число штатныхъ чиновниковъ архива тотчасъ послѣ русскаго переводчика (rysk translator) и русскаго толмача (rysk tolk) [1]). Кромѣ ихъ,

---

[1]) Мы принуждены сохранить эти два названія, которыми конечно означалось нѣкоторое различіе въ іерархическомъ значеніи обѣихъ должностей. *Я. Г.* Русскіе толмачи въ коронной службѣ встрѣчаются уже при Густавѣ Вазѣ и его сыновьяхъ: за время Іоанна III есть положительныя свидѣтельства, что въ канцеляріи служили даже лица, умѣвшія писать бумаги на русскомъ языкѣ; съ первыхъ лѣтъ правленія опекуновъ Христины можно привести непрерывный рядъ штатныхъ переводчиковъ. Лица, желавшія посвятить себя этому роду дѣятельности, обыкновенно посылались предварительно на нѣсколько времени въ Россію для изученія языка либо при шведскомъ подворьѣ, либо при находившемся въ Москвѣ на ту пору посольствѣ. Энохъ Лилiемаркъ, бывшій переводчикомъ при Карлѣ XII, исчисляя свои заслуги (въ прошеніи отъ 11-го мая 1694 г.), упоминаетъ, что онъ совершилъ много трудныхъ путешествій какъ въ Москву и въ Нарву, такъ позднѣе съ русскими послами

сослуживцами его были такіе люди, какъ Эрикъ Рунель (секретарь архива), Гадорфъ (антикварій), Хемницъ, Локсеніусъ и Видекинди (исторіографы). Итакъ у него были знакомые, съ которыми онъ могъ совѣтоваться на счетъ своего труда и которымъ самъ могъ быть полезенъ въ ихъ авторской дѣятельности. Видекинди именно въ то время работалъ надъ своей «десятилѣтней шведской войной въ Россіи», появившейся въ 1671 году. Котошихинъ жилъ въ южномъ предмѣстіи у служившаго въ архивѣ русскаго толмача Даніила Анастасіуса, вѣроятно уроженца одной изъ тѣхъ шведскихъ областей, гдѣ народъ говорилъ по русски.

Но недолго пришлось ему наслаждаться спокойствіемъ. «Напослѣдокъ», разсказываетъ Баркгусенъ, «достойный Селицкій имѣлъ несчастіе неумышленно убить собственнаго своего хозяина, бывшаго русскимъ толмачемъ въ Стокгольмѣ, Даніила Анастасіуса, по самому ничтожному, пустому поводу: дѣло было въ томъ, что Анастасій ревновалъ Котошихина къ женѣ, и оба они, бывъ одни дома, въ нетрезвомъ видѣ поссорились и стали другъ друга бранить; кончилось тѣмъ, что Селицкій нанесъ Анастасіусу нѣсколько смертельныхъ ударовъ испанскимъ кинжаломъ, который онъ на ту пору имѣлъ при себѣ. Но и его не пощадили, и онъ долженъ былъ вскорѣ сложить голову подъ сѣкирою палача, за таможенной заставой южнаго предмѣстья». По интересу этого уголовнаго дѣла, г. Йэрне, на основаніи сохранившихся документовъ, излагаетъ его подробно.

во Францію и въ Испанію, при чемъ я (говоритъ онъ), завися отъ прихотей столь варварскаго народа, долженъ былъ вынести много зла. (Шв. Госуд. архивъ. Разные документы, касающіеся Россіи въ 17-мъ и 18-мъ столѣтіяхъ: *Русскіе переводчики*). Переводчикъ при архивѣ получалъ въ 1667 году 500 далеровъ серебромъ жалованья (секретарю Рунелю платили 1200, исторіографу Видекинди 600). Кромѣ того, въ штатѣ архива за то же время значилось 1200 дал. сереб. 4-мъ студентамъ на изученіе русскаго языка. По нѣкоторымъ соображеніямъ можно заключать, что одна изъ этихъ стипендій шла на жалованье Котошихину. Въ восточныхъ мѣстностяхъ были также коронные переводчики. Частныхъ толмачей было множество. Разрѣшеніе на практику выдавалось имъ отъ магистрата и оберъ-штатгалтера. *Й.*

Въ день очередного судопроизводства 10-го сентября 1667 года, на судѣ нижней инстанціи въ южномъ предмѣстіи «явилась вдова Марья, дочь Фаллентина и показала со слезами, что ея жилецъ, русскій канцелярскій служитель Іоаннъ Александръ Зелецкій (т. е. Селицкій), въ воскресенье двѣ недѣли тому назадъ, въ семь часовъ вечера, въ ея отсутствіи, возвратился домой въ нетрезвомъ видѣ и безъ всякой особенной ссоры бросился на ея мужа, бывшаго русскаго толмача Даніила Анастасіуса, который стоялъ въ нижнемъ платьѣ и туфляхъ, собираясь лечь спать. Тотъ схватилъ его за плечи, ударилъ ногами въ животъ, затолкалъ въ уголъ и посадивъ на сундукъ, нанесъ ему кинжаломъ четыре смертельные удара, одинъ въ грудь подъ лѣвый сосокъ, другой въ пупокъ, третій въ спину между плечъ, а четвертый въ лѣвую руку. Анастасусъ сказалъ ему: «Это ли мнѣ награда за все добро, которое я тебѣ сдѣлалъ?» и позвалъ на помощь свою своячиницу. Она одна была съ ними въ комнатѣ и тотчасъ же бросилась разнимать ихъ, но на свою же бѣду: Селицкій, отводя ея руку, ударилъ ее кинжаломъ въ грудь, такъ что цырюльникъ и теперь еще не увѣренъ, останется ли она жива, или нѣтъ. Послѣ этого злодѣянія (показывала вдова Марія, дочь Фаллентина, со словъ мужа и сестры), Селицкій, положивъ кинжалъ на столъ, ходилъ взадъ и впередъ, не пытаясь бѣжать, пока пришли часовые и взяли его. Потомъ вдова Марья разсказывала еще, что когда на другой день она пошла къ Селицкому на гауптвахту, то онъ между прочимъ говорилъ, что еслибъ не пришли такъ скоро часовые и не схватили его, то онъ самъ лишилъ бы себя жизни. Между тѣмъ, хотя Марья дочь Фаллентина надѣялась, что мужъ ея Даніилъ Анастасіусъ понемногу поправится, онъ 9-го числа сего мѣсяца умеръ (принявъ отъ пастора причастіе, при чемъ онъ простилъ убійцу и предоставилъ его Божескому и мірскому суду). Іоаннъ Александръ Селицкій присутствовалъ (при допросѣ вдовы) и самъ на судѣ былъ спрошенъ чрезъ русскаго толмача Ганса Эстерика, какъ, для чего и по какому поводу онъ напалъ на своего хозяина и такъ жестоко ранилъ его

и его своячиницу. Іоаннъ Александръ Селицкій отвѣчалъ черезъ толмача, что онъ вовсе не отрицаетъ своего поступка, но не можетъ такъ поспѣшно дать объясненія (хотя судъ настойчиво требовалъ немедленнаго отвѣта) и попросилъ трехдневнаго срока, чтобы представить письменный разсказъ о ходѣ всего дѣла съ самаго начала. Въ заключеніе вдова Марья униженно просила судъ принять во вниманіе бѣдность ея и помочь ей получить свои деньги за столъ, комнату и постель, которыми Селицкій пользовался у ея покойнаго мужа болѣе восьми мѣсяцевъ, по 30-и далеровъ въ мѣсяцъ, такъ какъ она не имѣетъ де никакихъ собственныхъ средствъ на погребеніе мужа. Хотя суду никакъ не удалось заставить Селицкаго тотчасъ же отвѣчать и обстоятельно объяснить, какъ онъ совершилъ это ужасное приступленіе противъ Даніила Анастасіуса и его своячиницы, но такъ какъ онъ не отрицалъ самаго поступка и убійства, и дѣло изъ собственнаго показанія его было ясно, то судъ, не видя никакого основанія къ испрошенію отсрочки, опредѣлилъ перенести дѣло въ судъ ратуши [1]).

---

[1]) Архивъ стокгольмской ратуши. Тамъ же въ связкѣ судебныхъ разбирательствъ 1667 года г. Йэрне нашелъ прошеніе въ магистратъ отъ Маріи дочери Валентина (sic), подписавшейся: «всепокорнѣйшая и вѣрнѣйшая слуга и богомолица, крайне бѣдная и жалкая вдова». Она объясняетъ, что «бѣжавшій сюда изъ Россіи Русскій, называющій себя Иваномъ Александровымъ Силицкимъ (sic), но котораго настоящее имя Gregorei Kagrof Karteijsekin», поселился на хлѣбахъ у нея и у мужа ея за двѣ недѣли до Рождества 1666 г., и что они съ тѣхъ поръ достаточно снабжали его всѣмъ, что было ему нужно для прокормленія, а также постелью, освѣщеніемъ, отопленіемъ и стиркою бѣлья». Самое убійство, случившееся, какъ показываютъ, 25-го августа, описано ею почти точно такъ же какъ въ протоколѣ нижняго суда, съ тою только разницею, что у нея Котошихинъ не показанъ пьянымъ. Мужъ умеръ 8-го сентября въ 11-мъ часу вечера, «оставивъ меня бѣдную женщину въ величайшей нуждѣ и жалкомъ положеніи, такъ что я теперь не имѣю ничего для погребенія его: потому что малость, какую имѣла, должна была истратить ради этого русскаго убійцы, который всегда требовалъ, чтобы всего было вдоволь». Поэтому она проситъ пособія на похороны и заслуженнаго наказанія «жестокому и безпощадному убійцѣ». 13-го марта 1668 сложенъ съ Даніила Анастасіуса долгъ городу въ 545 далеровъ, такъ какъ «вдова не въ состояніи уплатить онаго». 31-го октября 1667 король пожаловалъ Маріи дочери Валентина

Уже 11-го сентября оно тамъ и слушалось. Прежде всего отвѣтчика черезъ переводчиковъ спросили, «откуда онъ прибылъ, какого онъ званія и по какой причинѣ умертвилъ своего бывшаго хозяина и пріятеля». Онъ отвѣчалъ, что «прибылъ изъ Россіи, званіе его извѣстно королю, а почему онъ убилъ своего хозяина, того сказать онъ не можетъ, а желаетъ объяснить письменно, такъ какъ не можетъ открыть своего дѣла переводчику, потому что они пристрастны». Поэтому судъ рѣшилъ «пріискать другихъ, безпристрастныхъ переводчиковъ, которыхъ онъ бы уже не могъ отвести и коими былъ бы доволенъ». На другой день «привели опять реченнаго Селицкаго и спросили его, какъ онъ теперь разсудилъ, изложилъ ли онъ что-нибудь письменно, или желаетъ онъ чрезъ майора Петра Гольцгусена [1]) и переводчика Баркгусена разсказать, какъ было дѣло и по какой причинѣ онъ убилъ Даніила Анастасіуса. Онъ отвѣчалъ: извѣстно, что онъ жилъ на хлѣбахъ у покойнаго Анастасіуса, который былъ и пріятелемъ его, но съ тѣхъ поръ какъ сюда пріѣхали русскіе купцы и онъ, Анастасіусъ, сталъ добывать деньги занятіями переводчика, онъ предался пьянству, не радѣлъ о своемъ домѣ и велъ безпорядочную жизнь (такъ что жена его на

---

100 дал. сер. во вниманіи къ несчастной смерти ея мужа и къ совершенной бѣдности, въ которой она осталась съ малолѣтними дѣтьми. По опредѣленію канцелярской коллегіи 8-го ноября 1667 «вдова русскаго толмача» получала въ ежегодное пособіе $84^1/_2$ дал. сер. изъ жалованья Селицкаго, «такъ какъ въ ея рукахъ осталась ассигновка, доставленная ей на содержаніе Селицкаго». Однакожъ эта сумма измѣняется изъ года въ годъ по вѣдомостямъ до 1674 г., изъ чего можно заключить, что она никогда не была выдаваема. *Й.*

[1]) Этотъ офицеръ участвовавшій въ послѣдней лифляндской войнѣ и запутанный въ разныя судебныя дѣла, находился повидимому въ близкихъ отношеніяхъ къ русскому посланнику. По просьбѣ послѣдняго, онъ назначенъ былъ приставомъ посольства 10-го октября, хотя и полагали, что онъ своими «проказами» (upptåg) возбудилъ щекотливость посла въ отношеніи къ этикету и тѣмъ далъ поводъ къ несогласію между нимъ и прежнимъ его приставомъ. Гольцгусенъ еще въ 1662 г. былъ приставомъ русскаго посольства, находившагося тогда въ Стокгольмѣ. Переводчикъ Баркгусенъ 8-го сентября 1667 г. былъ назначенъ «инспекторомъ русскаго подворья и толмачей», но уже черезъ мѣсяцъ русскіе купцы жаловались королю, что онъ «весьма невѣжливо съ ними обращается и оскорбляетъ ихъ ругательствами». *Й.*

нѣсколько дней отъ него уходила), за что Селицкій по ея желанію журилъ его, прося исправиться и жить съ женою въ согласіи: это настолько подѣйствовало, что онъ помирился съ женою и въ тотъ же день вышелъ вмѣстѣ съ нимъ, выражая намѣреніе купить ей кольцо; но когда они прошли часть дороги, онъ извинился, что не можетъ итти такъ далеко и воротился домой, Селицкій же отправился къ капитану Свену Гэте, у котораго однажды былъ въ гостяхъ и пилъ вино. Когда онъ около 7-и часовъ вернулся домой, Даніилъ былъ пьянъ и раздѣтъ, готовясь лечь спать; увидѣвъ же Селицкаго, онъ сталъ ругать его зазорными словами и непристойною русскою бранью и посылалъ его къ чорту, гоня со двора. Селицкій сначала принялъ это за шутку, но когда Даніилъ на вопросъ его отвѣчалъ, что вовсе не шутитъ, то первый ударилъ его въ лицо, а Даніилъ хватилъ его кулакомъ въ бокъ и взялъ его за горло; при этомъ оба они повалились на сундукъ и Селицкій, видя, что ему не высвободиться, вынулъ кинжалъ, который носилъ при себѣ, и вонзилъ его нѣсколько разъ въ Даніила, чтобы вырваться изъ рукъ его. Даніилъ позвалъ своячиницу на помощь, между тѣмъ какъ тотъ далъ ему еще нѣсколько ударовъ и ранилъ также эту дѣвушку. Затѣмъ судъ спросилъ его, «не убѣжденъ ли онъ по совѣсти, что причинилъ Анастасіусу смерть»; онъ отвѣчалъ, что «все показанное имъ справедливо, и онъ хорошо знаетъ къ чему за такое дѣло присуждаетъ шведскій законъ и что послѣдній часъ его близокъ, и онъ охотно подчиняется требованію закона и волѣ короля, и конечно не можетъ считать себя вполнѣ безвиннымъ, но не признаетъ и вины своей, потому что за нее долженъ умереть». Послѣ того судъ велѣлъ сторонамъ удалиться и по зрѣломъ разсмотрѣніи объявлено было 26-го сентября опредѣленіе бургомистра и совѣта относительно убійства по дѣлу между Маріей, дочерью Фаллентина, вдовою русскаго толмача Анастасіусъ, истицей, и русскимъ подьячимъ (kanslist) Ivan Alexandrioff, который также называетъ себя Gregorej Karpoff Kerteijserin, отвѣтчикомъ: «Поелику русскій подьячій Иванъ Alexandrioff Silitski, ко-

торый называетъ себя также Григорій Карповъ Karteijserin, сознается въ томъ, что онъ 25-го августа въ пьяномъ видѣ закололъ, нѣсколькими ударами кинжала, своего хозяина Даніила Анастасіуса, получивъ отъ него прежде пощечину, вслѣдствіе чего онъ Анастасіусъ по прошествіи двухъ недѣлъ умеръ, то посему судъ не можетъ пощадить жизнь виновнаго, и на основаніи Божескихъ и шведскихъ законовъ присуждаетъ его къ смерти, перенося вмѣстѣ съ симъ дѣло въ высокій королевскій гофгерихтъ».

Изъ этого приговора видно, что Котошихинъ былъ осужденъ исключительно на основаніи собственнаго его признанія, при чемъ судъ не счелъ себя въ правѣ принять во вниманіе изложенныя имъ обстоятельства, которыя могли въ нѣкоторой степени уменьшить его вину. Далѣе оказывается, что на это уголовное дѣло смотрѣли какъ на процессъ между убійцею и наслѣдницей убитаго. По господствовавшей тогда судебной практикѣ не могло быть и рѣчи о помилованіи безъ ходатайства потерпѣвшей стороны. Хотѣла ли вдова отклонить отъ себя всякое оскорбительное подозрѣніе, или ею дѣйствительно руководило чувство мести, — только она требовала наказанія по всей строгости законовъ, да и Котошихинъ, повидимому, не просилъ о смягченіи кары, не обращался съ такою просьбой ни къ своей противницѣ, ни къ королю. Тогдашнія политическія обстоятельства должны были отнимать у него всякую надежду. Въ Стокгольмъ незадолго передъ тѣмъ прибылъ царскій посолъ, которому поручено было заявить тяжкія обвиненія противъ шведскихъ резидентовъ Лиліенталя и Эбершэльда. Въ это время переговоры между Польшею и Россіей приближались къ благополучному окончанію, и шведское правительство, опасаясь этого, болѣе прежняго заботилось о выполненіи своего давно задуманнаго плана принять на себя роль «посредника». Русскій посолъ вскорѣ узналъ, кто былъ убійца въ южномъ предмѣстіи, и тотчасъ же принялъ съ своей стороны надлежащія мѣры. Уже 10-го сентября, слѣдовательно въ тотъ самый день, когда дѣло разбиралось въ нижней судебной

инстанціи, Стенъ Бьельке, членъ канцелярской коллегіи, разсказывалъ въ совѣтѣ, что какой-то шведъ(!), прежде служившій въ русскомъ приказѣ, а потомъ въ Польшѣ, былъ рекомендованъ королю и вслѣдствіе того принятъ на службу, потому что ему извѣстны дѣла московской канцеляріи. Но вотъ онъ недавно совершилъ убійство и потому едва ли можетъ избѣгнуть смертной казни, а между тѣмъ пріѣзжаетъ русскій посолъ и требуетъ, чтобы этотъ человѣкъ, какъ переметчикъ, былъ выданъ русскому правительству. Бьельке желаетъ знать резолюцію короля, какой на это данъ будетъ отвѣтъ. Рѣшено было, что поелику убійца прибылъ не прямо изъ Россіи и притомъ совершилъ свое преступленіе здѣсь, то онъ по справедливости долженъ здѣсь же подвергнуться казни и не можетъ быть выданъ. 30-го сентября другой государственный сановникъ Петръ Браге сообщилъ, что русскій посланникъ былъ у него и настаивалъ, чтобы переметчикъ былъ выданъ. На это онъ-де отвѣчалъ, что такъ какъ тотъ здѣсь совершилъ тяжкое преступленіе, убивъ своего хозяина, то онъ долженъ здѣсь же быть и наказанъ, къ чему Браге присовокупилъ, что конечно и царь не потерпѣлъ бы въ своей странѣ такого человѣка, и заключилъ тѣмъ, что посланнику будетъ данъ рѣшительный отвѣтъ. Браге жалѣлъ, что убійца такъ тяжко провинился, тѣмъ болѣе что по слухамъ онъ трудится надъ весьма полезнымъ сочиненіемъ. Совѣтъ призналъ, что дѣло должно быть разсмотрѣно гофгерихтомъ и затѣмъ рѣшено.

Протоколы гофгерихта по уголовнымъ дѣламъ за это время истреблены пожаромъ; въ актахъ ревизіонной конторы по дѣламъ юстиціи находится также пробѣлъ за эти годы. Какова была окончательно королевская резолюція, не отмѣчено въ протоколахъ совѣта, но изъ того, что упомянуто о засѣданіи 21-го октября, ясно, что смертный приговоръ былъ утвержденъ. Оберъ-штатгалтеръ Аксель Спарре пожелалъ знать, когда будетъ казнь русскаго канцеляриста. Отвѣтомъ было: въ будущую среду. Государственный канцлеръ спросилъ, не будутъ ли тѣло казнен-

наго анатомировать въ Стокгольмѣ или въ Упсалѣ. Браге былъ рѣшительно противъ этого изъ опасенія возбудить неудодольствіе «русской націи». Аксель Спарре полагалъ, что вскрытіе трупа должно произойти здѣсь на мѣстѣ, такъ какъ Олавъ Рудбекъ (знаменитый въ то время естествоиспытатель и профессоръ медицины въ Упсалѣ) находится теперь въ Стокгольмѣ. Никакого опредѣленнаго рѣшенія не послѣдовало. На другой день дѣло опять разсматривалось въ совѣтѣ. Рѣшено было: Русскому, который за совершённое имъ убійство долженъ быть казненъ, дать отсрочку до тѣхъ поръ, пока духовенство успѣетъ достаточно ознакомить его съ нашей религіей, въ которую онъ выразилъ желаніе перейти. Между тѣмъ русскій посланникъ можетъ, если захочетъ, оставить здѣсь кого-нибудь для наблюденія, чтобы преступникъ за свое злодѣяніе дѣйствительно былъ казненъ».

Этимъ прекращаются всѣ ближайшія извѣстія, которыя можно было отыскать относительно Котошихина въ доступныхъ оффиціальныхъ актахъ [1]). Изъ приходо-расходной книги канцелярской коллегіи за 1667 годъ видно, что онъ дѣйствительно былъ подвергнутъ казни и что остальное его жалованье было зачислено въ сбереженія. Баркгусенъ оканчиваетъ свой разсказъ слѣдующимъ образомъ: «Онъ совершенно оставилъ россійское вѣроисповѣданіе и придерживался лютеранскаго, ибо считалъ своихъ соотечественниковъ, Русскихъ, народомъ ослѣпленнымъ въ дѣлѣ религіи; незадолго передъ своею казнью онъ съ величайшимъ благоговѣніемъ причастился въ темницѣ св. таинъ, и пріобщалъ его шведскій капеллянъ, достойный и ученый Олавъ Петри Крока, причетникъ церкви св. Маріи въ южномъ пред-

---

[1]) Въ архивѣ канцеляріи оберъ-штатгалтера (т. е. генералъ-губернатора стокгольмскаго) должны бы, кажется, находиться свѣдѣнія объ исполненіи этого приговора. Но въ 1864 году предписано было разобрать архивъ и при этомъ всѣ старинные документы, исключая кое-какія вѣдомости, были уничтожены и такимъ образомъ исчезъ богатый и незамѣнимый матеріалъ, особенно для исторіи тюремнаго дѣла. *Й.* — Такая разборка или очистка архивовъ была, къ сожалѣнію, не разъ предпринимаема и у насъ! *Я. Г.*

мѣстіи. Прусскій уроженецъ, магистръ Іоаннъ Гербинусъ, бывшій въ то время ректоромъ школы нѣмецкаго прихода въ Стокгольмѣ и хорошо знакомый съ польскимъ языкомъ, часто посѣщалъ Селицкаго въ его заключеніи, утѣшая его въ скорби словомъ Божіимъ, и по совершеніи надъ нимъ казни такъ отозвался о немъ: «Obiit quam piissime. Только что ему отрубили голову, онъ удостоился той чести, что тѣло его было перевезено въ Упсалу и тамъ анатомировано профессоромъ, высокоученымъ магистромъ Олавомъ Рудбекомъ; утверждаютъ, что кости Селицкаго до сихъ поръ хранятся тамъ какъ нѣкій монументъ, нанизанныя на мѣдныя и стальныя проволоки. Sic et talem finem habuit vita Selitski, viri quondam roxolani ingenio incomparabili».

Несчастный московскій переметчикъ загладилъ свои проступки услугою, которую онъ оказалъ исторической наукѣ своего отечества. Старинный шведскій переводъ его сочиненія стоило бы издать: онъ служитъ какъ бы памятникомъ періода величія Швеціи и могъ бы еще и теперь доставлять полезное и пріятное чтеніе.

Выписавъ затѣмъ изъ шведскаго перевода Баркгусена отрывокъ, описывающій отчужденіе тогдашнихъ Русскихъ отъ остальной Европы (гл. IV, 24), г. Йэрне заключаетъ свою статью словами: «Такое отчужденіе становилось болѣе и болѣе тягостнымъ для самихъ Москвитянъ (т. е. Русскихъ). Съ озлобленіемъ изгнанника Котошихинъ говоритъ отъ имени того поколѣнія, которое лѣтъ черезъ тридцать, добровольно или насильно, отторгнуто было отъ своихъ старинныхъ привычекъ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ».

Мы съ своей стороны прибавимъ еще нѣсколько свѣдѣній изъ подстрочныхъ примѣчаній г. Йэрне, и прежде всего о переводчикѣ Котошихина Баркгузенѣ. Olof Didrickson Barckhusen называетъ себя Wiburgo-Carelius (слѣдов. онъ былъ финляндскій уроженецъ). Въ 1649 г. онъ получилъ отъ короля стипендію для изученія русскаго языка подъ руководствомъ переводчика Іоанна Роселина; потомъ долго занимался въ канцеляріи

какъ помощникъ при переводѣ русскихъ актовъ; въ 1662 г. сдѣлался факторомъ шведскаго гостинаго двора въ Новгородѣ; въ 1664 назначенъ былъ переводчикомъ при архивѣ; умеръ въ 1687 (Госуд. архивъ въ Стокгольмѣ. Разные документы относительно Россіи въ 17-мъ и 18-мъ столѣтіяхъ: *Русскіе переводчики*). Подлинная русская рукопись была въ рукахъ ученаго слависта Спарвенфельта [1]), сдѣлавшаго на ней нѣсколько отмѣтокъ на русскомъ языкѣ. О ней упомянуто уже въ сочиненіи Николая Бергіуса De statu ecclesiae et religionis moscoviticae (Стокг. 1704); на стр. 263, въ числѣ писавшихъ о Россіи, названъ «Alexander Selitzki Moscovita et Scriba Cancellariae, cujus Mscrt. Sueticum in Archivo Reg. asservatur. Hic sua conscripsit Holmiae 1669 et alio nomine audit Grigori Carpofson Cotossichin Mscrt. Ruthen. in Biblioth. Sparfvenfeldiana». Неправильное означеніе года (1669 вм. 1667) находится на одной изъ рукописей шведскаго перевода и оттуда, повидимому, перешло въ замѣтку Бергіуса. Густавъ III также зналъ о существованіи рукописи Котошихина и сообщилъ о ней Екатеринѣ II, которая намѣревалась достать съ нея списокъ [2]).

---

[1]) См. предисловіе къ изданному Археографическою Комиссіею сочиненію Котошихина. Кажется, авторъ шведской статьи, называя открывшаго подлинную рукопись Соловьева историкомъ (häfdaforskare), смѣшиваетъ его съ знаменитымъ писателемъ того же имени. Первый, бывшій профессоромъ Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ, не оставилъ сочиненій, которыя давали бы ему право на такое титло. Звали его, помнится, Михаиломъ Федоровичемъ. *Я. Г.*

[2]) См. мою статью: «Екатерина II и Густавъ III» въ *Сборникѣ Отдѣленія р. яз. и словесн.*, т. XVIII, стр. 49. *Я. Г.*